

Едва Дуань Цунчжи вышел со съемочной площадки, как почувствовал неладное. Он замедлил шаг. За ним следили.

Приподняв руку, юноша поправил козырек кепки и под этим предлогом скользнул взглядом по сторонам. Вокруг никого не было, но интуиция его никогда не подводила.

Он коснулся левого запястья — под рукавом скрывались плотно намотанные кожаные напульсники.

Не останавливаясь, Цунчжи стал перебирать в уме возможных недоброжелателей. Из тех, с кем он успел поссориться лично, на ум приходил разве что Линь Хань. Однако если целью было Помесье Цинь или лично Цинь Кэ, то список подозреваемых разрастался до бесконечности. В прошлой жизни Дуань Цунчжи не помнил ничего подобного. Возможно, дело было в том, что теперь он съехал из поместья Цинь и в глазах врагов превратился в легкую добычу.

Он не стал сворачивать в толпу, а двинулся привычным маршрутом к ресторану «Тунъюань». Тот находился у самой границы Киногорода, и его вывеску было отлично видно прямо от главных ворот.

Издаലെка Дуань Цунчжи заметил припаркованный у входа представительский черный «Майбах». Цинь Кэ.

О зажатом в рукаве лезвии можно было забыть. Цунчжи даже не успел задуматься, зачем Третий господин приехал сюда — сейчас его гораздо больше волновало, как он сам выглядит. Безумно хотелось найти хоть какое-то зеркало.

Он приподнял руку. Под подушечкой большого пальца скользнули два тонких серебристых лезвия. В их узкой стальной глади, шириной едва ли в палец, отразился лоб с отчетливой красной полосой — след от стягивающей сетки театрального парика. Да и сам он после тренировки взмок как мышь.

Цунчжи отчаянно захотелось развернуться и сбежать. Но не успел он сделать и шага, как перед ним вырос телохранитель. Слегка поклонившись, тот почтительно произнес:

— Господин Дуань, Третий господин просит вас подойти.

Поколебавшись, Дуань Цунчжи все же пошел за ним.

Дверь машины плавно скользнула в сторону. Ему предлагали сесть в салон, но юноша замер на пороге. И дело было вовсе не в страхе, что Цинь Кэ заблокирует замки и силой увезет его обратно в поместье. Просто Цунчжи казалось, что от него разит потом за версту.

Он снова поглубже натянул кепку и, опустив голову, остался стоять на улице. Цинь Кэ

повернулся к нему. Взгляд мужчины казался совершенно будничным, но у Цунчжи все равно предательски екнуло сердце. От волнения он машинально крутанул пальцами, и два тонких лезвия послушно сделали пару оборотов вокруг фаланг.

В полумраке салона вспыхнул серебристый блик. Цинь Кэ заметил это движение и опустил взор на его ладонь. Цунчжи поспешил сделать вид, будто ничего не произошло.

Природа щедро одарила его идеальными для боевых искусств обостренными чувствами. Однако вместе с феноменальной чувствительностью пришла и гипертрофированная болевая восприимчивость. Давая отпор Шэн И, Цунчжи вовсе не кривил душой — он действительно панически боялся боли. Юноша понятия не имел, как физические страдания переносят другие, но его самого обычная царапина могла довести до слез.

Простые блокирующие приемы, которые другие мастера считали базой, для него оборачивались пыткой. Именно поэтому в любом поединке или уличной драке Дуань Цунчжи предпочитал уклоняться до последнего, выжидая момент, чтобы закончить все одним сокрушительным ударом.

Тонкие лезвия на запястье были его козырной картой на крайний случай. Он начал учиться управляться с ними в четырнадцать лет, после того как его едва не похитили. Освоить это оружие без травм невозможно: первое время пальцы Цунчжи были постоянно покрыты мелкими порезами. Цинь Кэ, заметив это, высказался резко против опасной затеи. Цунчжи послушно перестал крутить лезвия при нем, но тренировки не забросил, из-за чего на его руках то и дело появлялись новые раны.

Вскоре после того разговора Цинь Кэ молча вручил ему несколько тюбиков со снадобьем неизвестного состава. Мазь оказалась чудодейственной: она мгновенно снимала боль, затягивала порезы за считанные часы и не оставляла шрамов. Решив, что средство незаменимое, Цунчжи спросил у дворецкого Ина, где можно достать еще пару упаковок для своего младшего шишу. Тогда-то и выяснилось, что препарат разработали в закрытой лаборатории по спецзаказу, и о массовом производстве не шло и речи. Оставалось только догадываться, в какую астрономическую сумму обошлись Цинь Кэ эти медицинские исследования.

Если бы у него был выбор, Цунчжи предпочел бы столкнуться лицом к лицу с бандой головорезов, а не с этим человеком. Он чувствовал себя донельзя неловко. То ли из глупого нежелания казаться жалким перед тем, кого любишь, то ли из упрямого нежелания беглого ребенка позориться перед суровым опекуном.

«И это та жизнь, к которой ты так стремился?» — больше всего Дуань Цунчжи боялся услышать от Цинь Кэ этот язвительный вопрос.

Впрочем, Третий господин никогда не опускался до пустой болтовни. Цунчжи пугало другое: вдруг мужчина потребует, чтобы он прямо сейчас вернулся домой? Против твердого приказа у него просто не нашлось бы сил возразить.

Однако Цинь Кэ лишь спокойно отвел взгляд и невозмутимо произнес:

— Таньюань соскучился по тебе.

Можно было подумать, будто этот человек проделал огромный путь от загородного особняка до Восточной улицы исключительно ради того, чтобы передать весточку от собаки.

Цунчжи опешил. Ему отчаянно хотелось спросить: «Только Таньюань?»

Но он вовремя прикусил язык. Наверняка в ответ прилетит холодное: «Дворецкий Ин тоже часто о тебе спрашивает».

С тихой грустью юноша осознал: даже сбежав из поместья, он так и не смог похоронить свои чувства к этому человеку.

После затянувшегося молчания Цунчжи тихо ответил:

— Я тоже... очень скучаю по Таньюаню.

Немного помешкав, он стянул с головы бейсболку и протянул ее мужчине:

— Передайте ему, пожалуйста. Отдайте Ин Сяочжуну, он знает, где лежат игрушки пса.

Цинь Кэ молча принял кепку, никак не прокомментировав эту просьбу.

Проводив взглядом плавно отъезжающий лимузин, Дуань Цунчжи устало взъерошил волосы и вдруг замер как вкопанный.

Твою же мать!

Он ведь только что снял кепку! Это значит, что Цинь Кэ во всех подробностях разглядел дурацкую красную полосу, отпечатавшуюся на его лбу от театрального парика?

В последнее время Таньюань послушно выбегал встречать Цинь Кэ у порога — привилегия, которой раньше удостаивался исключительно Дуань Цунчжи. Впрочем, особой нежности к главе семейства пес не проявлял: он лишь чинно садился в паре шагов, вежливо вилял хвостом и никогда не лез ласкаться без приглашения.

Но сегодня овчарка повела себя необычно. Она подбежала почти вплотную, принялась нарезать круги вокруг мужчины и вилять хвостом куда активнее прежнего. Ин Сяочжун, стоявший неподалеку, напрягся, готовый в любой момент перехватить животное.

Цинь Кэ слегка опустил руку с зажатой в ней бейсболкой. Таньюань тут же ткнулся носом в знакомую ткань, шумно втягивая воздух. Хвост пса превратился в размытое пятно от бешеной скорости; овчарка заскулила от восторга и завертелась на месте.

Цинь Кэ впервые снизошел до того, чтобы потрепать пса по загривку. Таньюань был чистокровной немецкой овчаркой — его жесткая черно-рыжая шерсть не шла ни в какое сравнение с шелковистыми шубками золотистых ретриверов или самоедов, но лоснилась здоровьем и оказалась на удивление приятной на ощупь.

Сделав шаг назад, кобель насторожил уши и преданно уставился на хозяина дома. Цинь Кэ спрятал кепку за спину. Вместо того чтобы выполнить просьбу Цунчжи и отдать вещь собаке, он безжалостно констатировал:

— Он не вернется.

Таньюань жалобно заскулил. Сложно сказать, понял ли он смысл слов, но посягательство на любимую игрушку ему явно не понравилось. Пес предпринял робкую попытку подпрыгнуть и выхватить бейсболку зубами.

Цинь Кэ проигнорировал этот выпад и невозмутимо направился к главному зданию резиденции. До крыльца оставалось еще приличное расстояние. Таньюань трусил следом, но вскоре умчался куда-то в глубь сада. Впрочем, стоило мужчине подойти к дверям, как пес снова вырос перед ним, держа что-то в пасти.

Цинь Кэ остановился. Овчарка аккуратно опустила свою ношу на каменные плиты, приняла безупречную выставочную стойку и замерла, не сводя преданных глаз с зажатой в руках хозяина кепки.

Цинь Кэ скользнул взглядом по предмету у своих ног. Судя по характерному шелковому узору, это был галстук — его собственный галстук, который когда-то шутки ради Дуань Цунчжи повязал на шею собаке.

Подбежавший запыхавшийся Ин Сяочжун торопливо зажестичулировал, переводя намерения питомца:

«Он предлагает обмен».

Цинь Кэ едва заметно кивнул, развернулся и ушел, унося кепку с собой.

Таньюань издал тоскливый вздох и обреченно распластался на животе.

Перед сном Дуань Цунчжи получил сообщение от помощника режиссера с просьбой приехать на площадку пораньше: предстояло наложить грим и подготовить костюм.

Цунчжи явился без опозданий, но обнаружил, что Линь Хань уже на месте. Поскольку гример и стилист у них были общими, кому-то одному приходилось дожидаться своей очереди.

Разумеется, ждать заставили Дуань Цунчжи.

За все время работы над фильмом Цунчжи впервые рассматривал соперника так близко. Сходство между ними действительно прослеживалось — примерно на треть, в основном благодаря схожему овалу лица. Но если черты лица Дуань Цунчжи отличались резкостью, а в изломе бровей сквозила дерзкая, мятежная сила, то Линь Хань производил впечатление мягкого, безобидного человека. Недаром фанаты величали его «утонченным благородным господином».

Завершив приготовления, Линь Хань сразу отправился на съемочную площадку. К тому моменту, как освободился гример, съемки шли полным ходом. Судя по всему, сегодня задействовать дублера никто не планировал.

Дуань Цунчжи неторопливо побрел к припаркованному неподалеку отцовскому фургончику — потрепанному минивэну «Wuling Rongguang», на котором обычно развозили заказы из семейного ресторана. Проезд на территорию Киногорода был строго ограничен, поэтому роскошные трейлеры главных звезд ютились на специально отведенной стоянке, а вот старенький минивэн Цунчжи, чей номер давно внесли в базу службы доставки, беспрепятственно проехал прямо к съемочному павильону.

Пока снаружи Линь Хань, облаченный в тяжелые слоистые одежды и плотный парик, плавился под палящим солнцем, а постановщик трюков Шэн И безуспешно пытался вдолбить в него рисунок боя, Дуань Цунчжи блаженствовал в прохладном салоне под кондиционером, лениво листая ленту новостей на телефоне.

Вскоре дверь фургона распахнулась, и внутрь запрыгнул взмыленный Шэн И. Цунчжи молча протянул ему ледяную бутылку минералки. Тот припал к горлышку и в несколько жадных глотков осушил ее наполовину, после чего шумно выдохнул, оттягивая ворот футболки.

— Твою мать... Ты же его дублер! Почему ты до сих пор прохлаждаешься здесь, а не на площадке?

Цунчжи покосился в окно, где под напором огромных ветродуев эффектно развевались полы

ханьфу Линь Ханя.

— Учитель Линь у нас трудяга. Предпочитает все делать сам.

— Херила там трудяга! — выругался Шэн И, окончательно выходя из себя. — Я в жизни не видел человека, который настолько не адекватен в оценке собственных сил! Сам ни хера не умеет, а отдуваться мне. Этот придурок даже не знает, чем прямой выпад отличается от рубящего удара, но упорно лезет махать мечом! Если мы продолжим в том же духе, съемки затянутся до следующего года.

Он продолжал распаляться, но Цунчжи лишь молча слушал. Понимая, что его собеседник на съемочный процесс повлиять не может, Шэн И поворчал еще немного, а потом снова завел старую песню — стал напрашиваться на спарринг.

— Да хоть сто раз попробуй, — лениво отозвался Цунчжи, — тебе меня не одолеть.

В обеденный перерыв к ним в машину заглянул режиссер Ли — тоже ради спасительной прохлады кондиционера. Заодно он ошарашил Цунчжи новостью:

— Готовься, после обеда в кадр выходишь ты.

Дуань Цунчжи изобразил крайнее удивление:

— Как так? Учитель Линь ведь рвался все трюки исполнять лично.

Ли Юйшэн хмыкнул, выразительно посмотрев на него:

— Кончай паясничать. Скажу тебе как есть: мы уже отстаем от графика на два дня. Если затынем сейчас, на постпродакшне придется рвать жилы. Режиссер Хуан уже голову себе сломал, думая, как исправить ситуацию.

Раз уж сам режиссер заговорил об этом, значит, дело приняло серьезный оборот. Цунчжи еще раз уточнил у Шэн И все нюансы связок. Однако планам съемочной группы не суждено было сбыться: после полудня на площадке внезапно появилась целая делегация фанатов Линь Ханя.

Эту встречу запланировали заранее ради пиара картины — ведь Линь Ханя утвердили на главную роль во многом из-за его огромной фан-базы и гарантированных рейтингов. Изначально координаторы съемок выделили этот день под простые, но эффектные статичные сцены, где актер мог просто красиво стоять в кадре. Но из-за постоянных опозданий, отгулов и бесконечных испорченных дублей Линь Ханя график полетел к чертям, и съемочная группа оказалась зажата во временных тисках именно на самых сложных экшен-сценах.

За Линь Ханем прочно закрепился образ «богатого наследника, который уйдет в бизнес, если провалится в искусстве». Разумеется, перед преданными поклонниками он обязан был держать марку истинного профессионала и ни в коем случае не прибегать к помощи дублеров.

Режиссер Хуан Ци, славившийся ангельским терпением, на сей раз тоже не выдержал. Он попытался мягко урезонить актера:

— Понимаю ваше рвение, молодой человек. Но в нашем деле каждый должен заниматься своим делом. Эти сцены слишком сложны физически. С дублером кадр получится куда более зрелищным и динамичным.

Линь Хань тут же виновато склонил голову:

— Простите, режиссер Хуан, это моя вина. Но сегодня приехали фанаты, они так ждут... Как я могу подвести их?

Режиссер лишь тяжело вздохнул:

— Ладно. Но это в последний раз.

Увы, запланированные на вторую половину дня связки были вершиной боевой хореографии фильма. Режиссер требовал безупречности, раз за разом прерывая съемку криками «Стоп! Снимаем заново!». Во время очередной попытки, на самом выходе из боевой стойки, Линь Хань не удержал равновесие и с глухим стуком повалился на землю.

Хуан Ци потер переносицу:

— Всем перерыв пятнадцать минут.

Шэн И, сделав свою работу, стоял неподалеку, скрестив руки на груди и с интересом наблюдая за этим цирком. Когда актер растянулся на траве, хореограф лишь недоуменно округлил глаза и хмыкнул:

— Он что, издевается? Решил на жалость надавить?

Помощники тут же подхватили Линь Ханя под руки и помогли подняться. Покосившись на толпу фанатов, актер заискивающе крикнул:

— Учитель Шэн!

У Шэн И от этого слащавого тона мгновенно побежали мурашки по коже. Он недружелюбно

буркнул:

— Чего тебе?

— Эта связка слишком сложная. Не могли бы мы разбить ее на еще более простые элементы?

Терпение хореографа лопнуло.

— Куда еще упрощать?! — взорвался он. — Мы боевик снимаем или слайд-шоу?! Тебе и так уже все движения урезали до предела! Может, мне тебя сразу по кадрам фотографировать, а потом склеивать?!

Стоявшие поодаль фанаты не слышали слов, но по жестикуляции поняли, что назревает конфликт, и взволнованно зашептались. Шэн И и не думал заботиться о репутации заносчивой звезды. Закончив язвить, он выдал самый искренний совет:

— Слушай, шел бы ты к врачу. Проверь мозжечок, а то координация как у пьяного пингвина. Как вообще можно было развалиться на таком элементарном шаге?

Голос Шэн И разносился по всей площадке. Линь Хань, побледнев от страха, что его позор услышат поклонники, судорожно прикусил губу... а в следующий миг просто закрыл глаза и картинно рухнул без чувств.

Шэн И завис.

Когда незадачливого актера под вой сирен грузили в карету скорой помощи, хореограф все еще стоял с глупейшим выражением лица.

«Он что, реально в больницу собрался?»

Появление скорой на съемочной площадке скрыть было невозможно. Уже к вечеру социальные сети взорвались заголовками. Тренды заполонили хэштеги: #ЛиньХаньПрофессионал, #ДублерЛиньХаня и #ЛиньХаньВБольнице.

<http://bllate.org/book/18330/1765568>